

На Западной улице жизнь была ключом. Прямо напротив пристроился лоток с хуньтунями; народу там было столько, что хозяева едва успевали поворачиваться. У соседа, торговавшего жареными лепёшками, дела тоже шли в гору. Чжао-гэр смотрел на них с невольной завистью.

Гуай-цзай, обхватив папину ногу, притих и во все глаза разглядывал прохожих.

— О, Чжао-гэр! Так ты, оказывается, сменил место? То-то мы тебя на Восточной улице обыскались!

К ним уверенным шагом направились двое мужчин. Говорили они громко, по-хозяйски, так что даже случайные прохожие начали оборачиваться на их голос. Чжао-гэр лишь слегка нахмурился: он совершенно не помнил этих людей.

— Давай мне одну, — Сунь Даху облизнулся с самым предвкушающим видом. — Пару дней не ел, так прямо места себе не находил. Ты хоть бы предупредил, что переезжаешь, а то мы, старые клиенты, с ног сбились, пока тебя нашли.

— И то правда, — подхватил Ван Сяоцзю. — Уж до чего твоя кровяная колбаса хороша! Я о ней только и думаю, только о ней и мечтаю. Жаль, что во всём городе её только ты один и делаешь, больше нигде такой не сыщешь.

Они работали слаженно, поддакивая друг другу. Чжао-гэр поначалу даже растерялся — он точно видел их впервые. Но когда они назвали товар «кровяной колбасой», а кто-то из толпы шепнул, что это ребята из «Башни Пьяной Ночи», до него наконец дошло. Юноша тут же включился в игру.

Чжао-гэр отрезал две порции и подал покупателям. Сунь Даху и Ван Сяоцзю обменялись короткими взглядами и, мысленно зажмурившись, принялись за еду.

Шли-то они сюда с великими речами, но, увидев товар из свиных потрохов, заранее настроились на худшее. Решили так: даже если на вкус это будет как конский навоз, придётся давиться, глотать и врать напропалую. С их-то подвешенными языками они любой тухляк за деликатес выдадут — глазом не моргнут. Дай им волю, они за время одной чашки чая из этой колбасы целый сад распишут. Однако... чудо! Оказалось, что еда-то и впрямь отменная.

Пусть внешне это выглядело не слишком изысканно, напоминая «то самое», на вкус колбаса оказалась потрясающей: нежная, сочная, а оболочка — приятно упругая. Чем дольше жуёшь, тем ярче раскрывается вкус.

— Чжао-гэр, отрежь-ка мне ещё кусочек! — выдохнул Сунь Даху, доев свою порцию.

Прохожие, видя, с каким аппетитом официанты уплетают диковинку, тоже начали подтягиваться. В конце концов, всего три медяка! А ведь эти ребята работают в лучшем ресторане города, чего они только не пробовали, а за этой колбасой по всему свету бегали. Значит, вещь стоящая.

Постепенно вокруг корзины начала собираться толпа.

Чжао-гэр крутился как белка в колесе, едва успевая нарезать колбасу и принимать деньги. Вдруг из-за корзины высунулась маленькая ручонка, и раздался тоненький детский голосок:

— Дядя, три медяка.

Крупный мужчина шагнул ближе и столкнулся взглядом с парой круглых чёрных глазенок.

Малыш был до того забавным, что великан невольно рассмеялся:

— Ого! Ты что же, уже и деньги считать умеешь?

Гуай-цзай важно кивнул:

— Умею!

Мужчина, уже держа в руках две порции и дожёвывая третью, невнятно пробормотал:

— И сколько же я тебе должен?

Гуай-цзай ответил, не задумываясь ни на секунду:

— Девять медяков.

— Ох ты ж батюшки! — изумился верзила, в три глотка проглотив остатки. — Какой смышлёный! Сразу видно — голова у тебя вон какая большая!

«Это что ещё значит — „голова большая“?!» — Фан Цзычэнь, как раз подходивший к лотку, замер, услышав последнюю фразу.

«Его сын что, головастик какой-то?»

Хотя... раньше он и сам так думал. Гуай-цзай был таким худым, что голова на тонкой шее казалась непропорционально огромной, как у африканских беженцев. Но теперь-то малыш

заметно округлился!

Вокруг Чжао-гэра собралось уже порядочно людей. Фан Цзычэнь не стал лезть на рожон и помогать, просто стоял в сторонке и наблюдал. Колбаса была вкусной и мягкой, многие хотели взять её домой — порадовать стариков. Но вот беда: продукт был жирноват, и брать его руками было крайне неудобно.

Молодой человек призадумался.

«Нужно будет сходить в лес, нарубить бамбука и нарезать тонких шпажек. Наколот кусочек — и ешь на здоровье, как танхулу. И чисто, и гигиенично, и руки сухие. Убью сразу двух зайцев»

Целая корзина товара разошлась всего за полчаса. Сунь Даху и Ван Сяоцзю, выполнив миссию, решили откланяться:

— Сао фулан, мы тогда пойдём, нам пора возвращаться.

Обоим было уже за двадцать, они были старше Фан Цзычэня, так что обращение «невестка» заставило Чжао-гэра окончательно смутиться.

— Благодарю вас... Спасибо за помощь.

— Да брось, свои же люди!

Когда помощники скрылись из виду, Чжао-гэр принялся собирать вещи. Торговля пошла куда лучше, чем он смел надеяться.

«Завтра надо сделать побольше. Сначала зайду в мясную лавку, потом за арахисом — у тётушки Лю запасы подходят к концу»

Он всё прикидывал в уме, пока не услышал радостный возглас сына:

— Отец! А ты как тут очутился?

Гуай-цзай весь взмок от усердия и жары. Сердце Фан Цзычэня сжалось от нежности. Он подхватил чумазого мальчишку на руки и звонко чмокнул его в лобик:

— Да вот, соскучился по тебе и по папе.

Малыш обхватил его лицо ладошками и выпятил губки:

— Гуай-цзай тоже скуцал! Гуай-цзай тозе поцелует отца!

Чжао-гэр, уложив пустую тару, с улыбкой спросил:

— В ресторане сегодня не очень много людей?

— Полно!

— Так почему же ты здесь?

Фан Цзычэнь прижал к себе сына:

— Да всё за тебя переживал. Думал, не сможешь ничего продать, сядешь тут и будешь плакать в три ручья. Вот и пришёл утешить, явить, так сказать, свою нежную и заботливую натуру.

Чжао-гэр шутливо фыркнул и заправил мужу за ухо выбившийся локон:

— Ещё чего, я же не ребёнок.

Ему нужно было ещё закупиться на рынке, а таскать за собой уставшего Гуай-цзая было тяжело. Цзычэнь тоже не мог долго отсутствовать, поэтому решили так: отец заберёт сына в ресторан, а Чжао-гэр зайдёт за ним, когда закончит с делами.

— А так можно? — засомневался Чжао-гэр. — Управляющий Ян не будет против?

«Да мы с дядей Яном — не разлей вода, какие могут быть возражения?» — Фан Цзычэнь лишь отмахнулся:

— Всё в порядке, иди спокойно.

***

Время перевалило за час дня. Обеденный пик прошёл, и в зале почти никого не осталось. Как только Сунь Даху и Ван Сяоцзю вернулись, их тут же облепили приятели.

— Эй, колитесь, зачем вас брат Фан вызывал?

— У него фулан на Западной улице торгует, — Сунь Даху с грохотом придвинул табурет и залпом осушил чашку чая: жажда мучила нестерпимо. — Брат Фан попросил нас с Сяоцзю пойти и создать там ажиотаж.

— Так вы видели его супруга?

— А то как же!

Толпа бездельников мгновенно оживилась:

— Ну! Рассказывайте скорее! Красавец, небось? Небожитель небесный?

Ван Сяоцзю вклинился в разговор:

— Тебе-то какая печаль — красавец или нет? Или ты собрался у брата Фана человека уводить?

— Да ну тебя, — отмахнулся тот. — Куда мне... Просто любопытно, что это за гэр такой особенный, раз сумел самого Фан Цзычэня в узде удержать.

— И мне интересно, — подал голос кто-то из угла.

Любопытство сжигало всех. Фан Цзычэнь сейчас был живой рекламой «Башни Пьяной Ночи». Хозяин Лу из ломбарда, который раньше заглядывал раз в неделю, теперь ошивался здесь ежедневно. И если раньше он всегда заказывал отдельный кабинет, то теперь сидел в общем зале, заявляя, что, глядя на Фана, еда кажется вкуснее. Цзычэнь даже подшучивал над ним, советуя есть поменьше, а то раньше тот выглядел как на пятом месяце беременности, а теперь — того и гляди родит.

В ресторан заходило множество девиц и гэров, которые всячески намекали молодому человеку на свою симпатию, но тот оставался глух ко всем призывам. Сунь Даху и компания поначалу диву давались: даже дочка помещика Хоу, за которой закрепилась слава первой красавицы и богатейшей невесты Фуаня, не удостоилась от него и взгляда. Каждому было ясно: согласись Фан — и он в одночасье превратится из бродяги в знатного господина, а деньги сможет считать, пока руки не отсохнут. Но нет — никакой реакции.

Лишь спустя время они узнали, что у него уже есть и фулан, и сын, и «тёплый очаг». Фан Цзычэнь знал об их пересудах, но не придавал им значения. Красивые люди всегда в центре внимания, он к этому привык. Это как со звёздами: фанатам всегда жизненно необходимо знать, в какую такую «яму» угодил их кумир и что за «чудище» прибрало его к рукам.

Сам же юноша смотрел на всех свысока, задрав нос: никого вокруг не замечал, а на все расспросы лишь твердил, что его фулан — лучший в мире и что он — именно в его вкусе. Наслушавшись таких речей, официанты просто сгорали от желания увидеть этот идеал.

Ван Сяоцзю попытался подобрать слова, но, не найдя в своём скудном лексиконе ничего подходящего, просто процитировал Цзычэня:

— Ну... У Чжао-гэра глаза такие большие-большие, лицо круглое, а губки розовые и пухлые. Очень милый.

— И всё?

— В каком смысле — всё?

— Это все подробности?

— Ну да, — развёл руками Сяоцзю.

Чжао-гэр не был ослепительным красавцем, но и дурнушкой его назвать язык бы не повернулся. Он был из тех, на кого приятно смотреть, но до божественной стати самого Фан Цзычэня ему было далеко.

— Как же я завидую брату Фану, — вздохнул один из парней, уронив голову на руки. — Восемнадцать лет, а уже и фулан есть, и сын, и зарплата в три ляна. Аж сердце щемит.

— И я завидую, — поддержал Сунь Даху.

— Тебе-то уж точно положено, — не упустил случая Ван Сяоцзю. — Двадцать три года, а до сих пор бобылём ходишь.

Сунь Даху обиженно засопел:

— У меня была жена! Просто мы развелись...

Сяоцзю окинул его презрительным взглядом:

— И ты ещё об этом вслух говоришь? Быть рогоносцем — это теперь повод для гордости?

Сунь Даху горестно вздохнул:

— Да я теперь и сам локти кусаю. Знай я тогда, как трудно сейчас найти жену, я бы, когда меня наставляли рогами, просто прикинулся бы слепым. А теперь вот — столько лет один, и никакой надежды.

Зал взорвался хохотом. В этот самый момент в дверях появился Фан Цзычэнь с Гуай-цаем на руках. Ван Сяоцзю первым подлетел к ним:

— Брат Фан, ты вернулся!

— Угу.

Цзычэнь уже собрался было велеть сыну поздороваться, но тут из глубины зала вышел управляющий Ян. Его взгляд мгновенно прикипел к ребёнку.

— Ох ты! Это кто же у нас такой?

— Сын мой, — улыбнулся Фан Цзычэнь и легонько шлёпнул малыша по попке. — Гуай-цзай, поздоровайся с дедушкой.

Малыш звонко отчеканил:

— Здравствуйте, дедушка!

— Здравствуй, здравствуй, — управляющий Ян расплылся в улыбке и легонько ущипнул мальчика за щёчку. В его возрасте устоять перед детским обаянием было невозможно. — А сколько же нашему Гуай-цзаю лет?

Мальчик важно выставил три пальчика:

— Дедушка, Гуай-цзаю узе тли годика!

Управляющий Ян застыл.

Он знал, что у Фана есть сын, но, глядя на восемнадцатилетнего юнца, думал, что ребёнку от силы год или два. А тут — три года?!

«Это что же получается... Паренёк Фан умудрился обзавестись потомством уже в четырнадцать?!»

Воистину, таланты рождаются в каждом поколении. Невероятно, просто невероятно...

<http://bllate.org/book/15357/1434863>